

Свенцицкий В.П.

РЕВОЛЮЦИЯ ИЛИ БУНТ?

Аннотация. Впервые публикуемая статья богослова, публициста, прозаика и драматурга Валентина Павловича Свенцицкого (1881–1931) четко определяет антагонизм двух течений русской религиозной мысли и не потеряла актуальности век спустя после написания. Автограф находится среди корреспонденции, присланной в 1908 г. в газету «Речь» (РГАЛИ. Ф. 1666. Оп. 1. Ед. хр. 2145).

Ключевые слова: Мережковский, Свенцицкий, Эрн, религия, реформация.

Публикация архивного документа подготовлена к печати, снабжена комментариями и библиографическим списком С.В. Чертковым.

По поводу «Записок Религиозно-философского общества»¹, – Д.С. Мережковский² снова затрагивает жгучий для религиозного сознания вопрос: Как возродить умирающую Церковь.

Важность этого вопроса должны признать все без исключения: верующие и неверующие, признающие за Церковью лишь ту или иную культурно-историческую роль и религиозно исповедующие Церковь как единую хранительницу универсальной, вселенской правды.

А потому для тех и других чрезвычайно важна правильная и резкая постановка вопроса как первое необходимое условие правильного его решения.

Д.С. Мережковский спрашивает: «Ожидаемое религиозное возрождение есть ли... преобразование или переворот, реформация или революция?»

На первый взгляд вопрос поставлен со всей возможной отчетливостью. Даже не ребром, а острием.

Но это только так кажется.

Спор между нами и Д.С. Мережковским не может быть выражен формулой «реформация или революция», потому что мы *не* реформаторы, а он *не* революционер. Его «или – или» не выражает собой сущность наших религиозных с ним разногласий. Ответить на вопрос «реформация или революция?» это вовсе не значит ответить на вопрос, кто из нас прав: Д.С. Мережковский или мы.

Он спрашивает: «Преобразование или переворот?» – и, как бы противоставляя свой ответ предположительному нашему, отвечает: нужен переворот.

Но ведь и я отвечу то же самое!

Д.С. спрашивает: «Реформация или революция?» – и отвечает: революция.

И я отвечу: революция.

О чем же спорить?

Очевидно, надо условиться, что называть революцией и что реформацией, иначе можно спорить до бесконечности и все же никогда ни к чему

не прийти. А решение вопроса «революция или реформация?» без строго определенного выяснения того содержания, которое вкладывается в эти слова, в конце концов не есть решение, а есть замена одного вопроса другим.

Я лично настаиваю на том, что сущность наших разногласий с Д.С. Мережковским должна быть выражена совершенно другой формулой. Не «реформация или революция», а «революция или бунт».

Д.С. совершенно неправильно характеризует наше отношение к Церкви как «реформаторское», а свое как «революционное». Революционеры *мы*, – а он *бунтовщик*. Тут спор не о словах, тут внутренняя неправильность в постановке вопроса, которая так мешает нам понять друг друга и работать совместно, не разделяясь, не дробясь на мелкие кружки и тем не ослабляя и без того слабых религиозных интеллигентных сил.

Прежде чем обсуждать позицию Д.С. Мережковского по отношению к Церкви и доказывать, что его проповедь не есть проповедь религиозной революции, а религиозного бунта, необходимо сделать одну оговорку.

Вопрос о том, кто из нас прав, Д.С. Мережковский или мы, совершенно не может быть решен с точки зрения нерелигиозного сознания. Нерелигиозную точку зрения я вполне понимаю и считаю ее совершенно логичной: в Церкви ничего кроме гнусностей нет, значит, всякий порядочный человек должен уйти из Церкви.

Кстати, это совпадение *конечных* утверждений нового религиозного сознания со взглядами безрелигиозной оппозиции может возбуждать в последней большое сочувствие к проповеди Д.С. Мережковского. Но совершенно ясно, что решить вопрос прав Д.С. Мережковский или нет можно, только встав условно на его почву. Надо выяснить, имеет ли *он* основания проповедовать разрыв с православием. И проповедь разрыва в его устах является ли проповедью революции или проповедью бунта.

Почему нерелигиозное сознание решает вопрос о выходе из Церкви? По очень простой причине:

В Церкви *только* гнусность. То, что есть хорошего, – это общечеловеческое, специально ей не принадлежащее; значит, в Церкви делать нечего. Тут, собственно, даже вопроса быть не может.

Положение Д.С. Мережковского совершенно иное: он признает христианство и историческую Церковь как его выразительницу *вторым заветом*. Он лишь видит в ней неполноту по сравнению с Церковью Трех и грядущей Церковью Св. Духа. Он верует, что в Православной Церкви совершаются подлинные таинства. Самые гнусности Церкви он объясняет той реакционной общественностью, которая органически вытекает из религиозной сущности православия.

В статье «Последний святой»³ Д.С. Мережковский старается с возможной яркостью показать, что он признает святость Церкви и святость ее последнего святого Серафима Саровского, но что эта святость – бесстрастная святость неба, святость, так сказать, однобокая.

Зачем же Д.С. Мережковский уходит из Церкви? Какие у него *религиозные* к тому основания?

Меня поражает, что Д.С. мотивирует необходимость уйти из Церкви теми безобразиями, которые в ней творятся. Для него это не аргумент. Он требует ухода из православия как *религиозного* акта, а не оппозиционного.

Раз он признает в Церкви ее мистическую сущность, таинства и пр., он должен нам объяснить не свой разрыв с ее гнусностями, а свой разрыв с той, другой стороной Церкви, которую он признает так же, как и мы.

Гнусность всегда гнусность, и Д.С. Мережковский понимает, конечно, что не гнусность дорога нам в Церкви, а дорого то, что дорого и ему. И

Д.С. должен показать, что для получения «новых откровений», о которых он учит, неизбежно, как нечто роковое, бросить это дорогое, и что покуда этого дорогого мы не бросим, новые откровения не придут.

Вот что нужно показать.

При решении вопроса об уходе из Церкви, для людей стоящих на той плоскости, на которой стоит Д.С., вопрос о гнусностях не при чем.

В вопросе о Церкви может быть два решения: или отрицание ее – тогда, разумеется, уйти; или признать – тогда всякое церковное возрождение мысли как органический рост Церкви.

Вся беда Д.С. Мережковского в его двойственном отношении и к Церкви, и к христианству. Он и признает его и не признает.

И слова его, что «русская реформация садится между двух стульев, служит нашим и вашим», – относятся гораздо в большей степени к нему самому. Уход из Церкви Д.С. Мережковского не имеет никакого религиозно-философского основания, он делается им или совершенно догматически, или публицистически.

Но и то и другое недостаточно.

Наша позиция иная.

Мы действительно утверждаем, что все жаждущие возрождения христианства и желающие работать на это возрождение должны оставаться в Церкви. Но вовсе не по тем мотивам, которые нам приписывает Д.С. Мережковский, будто мы полагаем, что «вне этой Церкви нет христианства, нет Христа».

Ничего подобного. Например, при всяком удобном случае мы твердим, что Христос присутствует в атеистическом освободительном движении и в атеистической науке и т.д.⁴

И если мы действительно держимся того мнения, что человек, признающий историческую Церковь за Церковь Христову (а такой признает ее и Д.С.), каким бы искажениям она ни подвергалась, в чаянии новых откровений не может уйти из нее, – то нами руководят чисто религиозные соображения. Если даже прав Мережковский, что новые откровения, которых все мы чаем, должны прийти в данный исторический момент, то все же никто из смертных не вправе решать вопрос о том, пора или нет «начинать» эту новую Церковь.

Д.С. Мережковский признает, что Церковь – живой организм. Он думает только, что этот организм изжил свой век для нового, рождения новой Церкви. Мы же думаем, что все новое, что придет в мир, есть рост единого организма. Христос, давший новый завет, не уходил из старой Церкви. И хотя христианство было «революцией», оно не *для возможности* своего появления порвало с иудейством, а наоборот, появившись и созрев, порвало с ним.

Итак, мы утверждаем, что надо остаться в Церкви. Но значит ли это, что мы хотим исцелить ее «заплатами»? Прав ли Д.С. Мережковский, что «оставаясь в старой Церкви, можно только чинить гнилые бревна»?

Нет, мы полагаем, как и Мережковский, что в Церкви произойдут основные потрясения, что новые мистические силы будут влиты в поток исторического течения. Мы не «обновленцы»⁵. Мы ждем переворота. Мы революционеры, потому что не видим возможности «мирного» исхода⁶.

Разница наша не в том, что мы «заботливые инженеры», «реформаторы», а Д.С. Мережковский – проповедник переворота. А в том, что он проповедник бунта.

Он хочет создать «Новую Церковь», «Церковь Троицы», «Церковь Иоаннову», в которую вошла бы вся правда Церкви Христовой, весь второй завет с Сыном и правда нового завета – с Духом Святым, – и как первое условие, как в своем роде свидетельство о благонадежности, для входа в эту новую церковь требуется свидетельство «о неговении»⁷.

Это уже не революция, это бунт, религиозная пугачевщина. Революция рождается изнутри, а не сваливается с неба. Она есть одно из звеньев последовательного исторического хода событий. Вот почему истинный революционер рассчитывает соотношение сил, он подымает оружие и разрушает старые формы, когда *внутри* сложилось новое или, по крайней мере, зародились семена этого нового, которые сдавливаются отжившими формами, как тисками⁸.

Бунтовщик знать ничего не хочет! Он рубит с плеча, стихийно выражает свой протест. Он бесплоден потому, что не имеет корней с общей исторической жизнью.

Д.С. Мережковский спрашивает: «Реформация или революция?». Нет: революция или бунт? Коренной переворот из недр православной стихии или пугачевский набег из вольных степей? Да, ответим мы: революция, а не бунт. Переворот, а не погром!

Мне живо памятливы дни, следовавшие за событиями 9 января⁹.

Мы приехали с В. Ф. Эрном¹⁰ в Петербург с наивным намерением склонить высшее духовенство к написанию обличительного окружного послания¹¹. И первым делом пришли к Д.С.

Он весь был полон впечатлений пережитого, как родных встретил нас и, прослушав наше «Обращение», весь заволновался и решил действовать немедленно.

Для начала было решено собраться у одного хорошего его знакомого¹² (где бывают люди, близкие церковным сферам) с тем, чтобы еще раз прочесть «Обращение» и поговорить. Я никогда не забуду этого вечера. В.В. Розанова, который сидел на диване, поджав ножки, и ядовито спрашивал:

– Кто Ваш отец, русский? Православный?

– Нет, католик¹³.

– А Ваш, молодой человек?

– Протестант¹⁴.

– Это очень важно¹⁵.

Как «одно лицо, близкое Синоду» (не то же ли самое, которое показывало Д.С. золотых рыбок?)¹⁶, видимо, издеваясь над нами, предлагало нам обратиться за содействием к Саблеру!¹⁷ И наконец сам Д.С. Мережковский, вдохновенный, страстный, готовый душу свою отдать за дело в которое поверил, которое полюбил¹⁸.

Мы были как братья с ним тогда. В одно верили, к одному стремились, на одно надеялись.

Но между нами была одна разница, всю разъединяющую силу которой тогда мы не чувствовали.

– Они хотят того же, что и мы, – сказал Дмитрий Сергеевич, обернувшись к З. Н.¹⁹ – Только хотят достигнуть, не уходя из Церкви. Ну что же, пусть каждый в этом вопросе поступает, как ему лучше...

Дело религиозного возрождения – большое дело. Всякий уход в отдельную группу грозит кончиться самоутверждением, самым страшным врагом всякой религии. 9 января нас объединяло признание грандиозности исторического события и исторической задачи. Но разве теперь мы стоим перед задачей сколько-нибудь меньшей?

Мы люди одного духа. Отрекитесь от «бунта» и будем служить по мере сил делу грядущей великой религиозной революции²⁰.

Библиографический список

Белый А. Начало века. – М.: Худож. лит., 1990. – 687 с.

Булгаков С. Н. Из записной книжки // Народ. – 1906. – 10 апреля. – № 7.

Булгаков С. Н. Карл Маркс как религиозный тип // Московский еженедельник. – 1906. – № 22. – С. 34.

Карташев А. В. Мои ранние встречи с о. Сергием // Православная мысль. – Вып. 8. – Париж, 1951. – С. 50.

Мережковский Д. С. Собрание сочинений. Грядущий Хам. – М.: Республика, 2004. – 478 с.

Свенцицкая М. Б. Отец Валентин // Надежда. – Франкфурт-на-Майне, 1984. – Вып. 10. – С. 186.

Свенцицкий В. П. Собрание сочинений. – Т. 1. Второе распятие Христа. – М.: Дарь, 2008. – 800 с.; Т. 2. Письма ко всем. – М.: Дарь, 2010. – 752 с.

Свенцицкий В. П. Памяти друга-врага // Маленькая газета. – 1917. – 4 мая. – № 102.

Царь и революция. – М.: ОГИ, 1999. – 219 с.

Шавельский Г. И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. – М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1996. – Т. 1.

¹ Записки Санкт-Петербургского Религиозно-философского общества. – Вып. 1. – СПб., 1908.

² Мережковский Д. Реформация или революция? // Речь. – 1908. – 10 апреля. – № 86.

³ Мережковский Д. Последний святой (Серафим Саровский) // Русская мысль. – 1907. – № 8. – С. 74–94; № 9. – С. 1–22. Там же изложена концепция «Третьего Завета».

⁴ Ср.: «Страшно утверждать, но чувствуем, что они – Христовы» (Булгаков С. Из записной книжки // Народ. – 1906. – 10 апреля. – № 7); «Мы знаем, что могут быть люди, не ведающие Христа, но Ему служащие и творящие волю Его» (Булгаков С. Карл Маркс как религиозный тип // Московский еженедельник. – 1906. – № 22. – С. 34). См. также: Свенцицкий В. Собр. соч. – Т. 2. Письма ко всем. – М., 2010. – С. 80, 84, 246–250, 286, 381.

⁵ Подр. об отношении автора к «обновленцам» и либеральному христианству см.: Там же. – С. 162–165.

⁶ Ср. мнение Д. В. Filosofova о Свенцицком и Эрне: «Они предъявили с точки зрения церковной чисто революционные требования и думают, что церковь может на них пойти» (Царь и революция. – Париж, 1907. – С. 18).

⁷ Чиновники, военнотружущие, учащиеся в Российской Империи должны были ежегодно предоставлять свидетельство о говении.

⁸ Сходный образ и у оппонента: «... в терзаемой плоти матерней, в кровях матерних рождается младенец; сила отделения, отталкивания необходима ему, чтобы родиться». Но вывод прямо противоположный: «Рождение подобно убийству», т. е. для жизни «новой церкви» нужно убить старую (Мережковский Д. Собр. соч. Грядущий Хам. – М., 2004. – С. 314.).

⁹ 9 января 1905 – самый страшный и великий день в истории России: крестный ход православного народа к царю с требованием установить жизнь в стране согласно с Божескими законами был расстрелян по приказанию великих князей при попустительстве императора.

¹⁰ Эрн Владимир Францевич (1882–1917) – философ, создатель (вместе со Свенцицким) Христианского братства борьбы и Московского религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева.

¹¹ Окружное послание (энциклика) – обращение архипастырей к народу в особенно важных обстоятельствах, требующих внимание всей Церкви.

Друзья указывали епископам «на необходимость немедленно, не дожидаясь, когда надвигающаяся буря стихийно охватит всю русскую жизнь», выступить «в защиту всех справедливых христианских требований, выдвинутых освободительным движением, и тем встать впереди движения, сделать его христианским» (Свенцицкий В. Собр. соч. – Т. 2. – С. 42). Текст воззвания см.: Свенцицкий В. Собр. соч. – Т. 1. Второе распятие Христа. – М., 2008. – С. 99–102.

¹² Перцов Петр Петрович (1868–1947) – публицист, искусствовед, ред. журнала «Новый путь». Встреча состоялась в «Пале-Рояле» (Пушкинская ул., д. 20), где он снимал квартиру.

¹³ Свенцицкий Болеслав Давид Карлович (1832–1896) – потомственный дворянин, присяжный поверенный. За разрешением на развод с первой женой (сбежала, бросив пятерых детей) обращался к папе римскому. «В праздники дома принимали и православного священника, и ксендза» (Свенцицкая М. Отец Валентин // Надежда. – 1984. – Вып. 10. – С. 186).

¹⁴ Эрн Франц Карлович (?–1913) – управляющий Тифлисским аптечным складом, лютеранин, судя по письмам к сыну, глубоко верующий.

¹⁵ Ср.: «В. В. Розанов, нагло помалкивая и блистая очками, коленкой плясал; он осведомился пренебрежительно: “Свентицкий... Поляк вы? Эрн – немец?” – “По происхождению – да”. – “Поляк с немцем”. И выплюнул: по отношению к Синоду: “Навозная куча была и осталась; раскапывать – вонь подымать; навоняет в нос всем... И только...” Проект... со всех позиций разобраный, был отклонен... как героизм совершенно бесцельный и вредный, срывающий подготовку к борьбе» (Белый А. Начало века. – М., 1990. – С. 494–495). А.В. Карташев вспоминал: «Все было затушено шумным переходом к русскому чаю. И вся затея была забыта» (Православная мысль. – Вып. 8. – Париж, 1951. – С. 50).

¹⁶ Тернавцев Валентин Александрович (1866–1940) – чиновник для особых поручений при обер-прокуроре Синода.

Ср.: «– С еретиками церемониться нечего! – воскликнул при мне однажды мой давнишний приятель, служащий в Синоде, человек пламенно верующий, добрый и умный.

– Что значит: не церемониться? На кострах жечь, что ли?

– А хотя бы и на кострах.

– И меня сожгли бы?

– И вас, если бы вы оказались врагом церкви, – улыбнулся он ясной улыбкой и повел меня смотреть золотых рыбок, купленных для аквариума, которым забавлялся, как дитя.

...Эти золотые рыбки превратились для меня в золотые угли костра» (Мережковский Д. Собр. соч. Грядущий Хам. – М., 2004. – С. 311–312).

¹⁷ Саблер Владимир Карлович (1847–1929) – товарищ обер-прокурора Синода (1892–1905), член Госсовета (1905–1911), обер-прокурор Синода (1911–1915). «В направлении множества синодальных дел В. К. в течение многих лет был полновластным хозяином... Положительное, сделанное им для Церкви, было столь мелко и ничтожно... что об этом и говорить не стоит. Самое же главное в том, что тон... самый характер его работы были разрушительны для Церкви» (Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. – М., 1996. – Т. 1. – С. 282, 285–286).

¹⁸ Далее в рукописи зачеркнуто: «Он говорил очень резкие вещи. – Говорите тише, в коридоре слышно, – сказал».

Ср.: «Мы приехали к Мережковскому. Дмитрий Сергеевич всей душой присоединился к нам. Но помню, какое странное впечатление производил на меня Владимир Францевич с своим “воззванием к епископам” рядом с В.В. Розановым, приехавшим посмотреть на двух “чудаков” из Москвы (“один еврей, другой поляк” – так отозвался потом об нас Вас. Вас., хотя и то и другое неправда), и главное – Федор Сологуб, молча, точно колдуя, помешивавший щипцами угли в камине... Для окончательного “обсуждения вопроса” было назначено совещание у Перцова.

Были там все религиозно-философские “тузы”: Мережковский, Гиппиус, Философов, В.В. Розанов, Тернавцев и др. Прочли воззвание.

Мережковский стал говорить. Горячо, сильно, я бы сказал, вдохновенно. Но слишком громко. По тогдашним временам (дело происходило в меблированных комнатах) при открытых дверях говорить о свержении самодержавия было небезопасно – и З. Н. Гиппиус предусмотрительно сказала:

– Надо говорить потише!

– Я не могу говорить иначе!.. Закройте дверь, если это нужно.

Владимир Францевич говорил после Мережковского. Тихо. Не возвышая голоса. Но, когда он кончил, я видел, что Розанов и Тернавцев смотрят на него не спуская глаз, и я прочел в них один и тот же вопрос: “Неужели можно в наше время так искренно верить в чудо?”

Розанов обозлился:

– Никто вас не послушает – скажут: молокососы приехали учить епископов.

А Тернавцев с недоброй улыбкой сказал:

– Нет, эти чудеса не для нас. Мы тяжелые птицы. Сели – и отдыхаем. Нам не хочется лететь дальше. Попробуйте – вы помоложе. Не хотите ли, я вам устрою свидание с Саблером? – с явной иронией закончил он.

Мережковский вспылал:

– Люди приехали с святым делом, им надо, чтобы их услышала Церковь, – а вы лезете с Саблером!..» (Свенцицкий В. Памяти друга-врага // Маленькая газета. – 1917. – 4 мая. – № 102).

¹⁹ Зинаида Николаевна Гиппиус.

²⁰ В конце после подписи был указан адрес проживания автора: «Москва, Остоженка, Зачатьевский пер., д. № 6, кв. 1».